

Спасла ли атомная бомба советскую физику?

М. Д. Ахундов,

доктор философских наук
Институт философии АН СССР
Москва

КТО СЕГОДНЯ не знает историю мракобесной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., на которой Лысенко и К^о одержали победу и приступили к планомерному разгрому советской генетики. По ее образцу были проведены совещания и в других областях науки (физиологии, цитологии и др.). Сложилось даже представление, что проведение подобного мероприятия в любой области науки неминуемо вело бы к ее «васхнизации», т. е. разгрому и замене на некий лженаучный паллиатив. Поэтому, если нечто похожее в какой-нибудь науке готовилось, но не состоялось, делается однозначный вывод, что эта область науки была спасена от разгрома. Так, в 1949 г. планировалось Всеююзное совещание физиков, которое не было проведено. В научном сообществе утвердилось мнение: «Не состоялась (сессия — М. А.) потому, что ее проведение ставило под угрозу успешную реализацию советского атомного проекта. Естественно, на такой риск сталинское руководство пойти не могло»¹. Отсюда можно заключить, что атомная бомба спасла советскую физику. Этот вывод и сделан А. С. Сониным, довольно подробно, опираясь на стенограммы, ознакомившим читателей с перипетиями заседаний оргкомитета Всесоюзного совещания физиков, которые проходили в течение почти трех месяцев 1948—1949 гг.²

Итак, подняты архивные материалы, которые, казалось бы, фактологически подтвердили ставшее чуть ли не априорным представление: после «убиения» генетики идеологическая инфекция поползла по советской науке, поразила ряд ее направлений (физиологию, цитологию), реально угрожала всем остальным, и, например, физика вы-

жила, лишь прикрывшись «атомным зонтиком», иначе на совещании 1949 г. ее ждало неизбежное и безжалостное «убиение». У меня эта модель не вызывала сомнений, но после знакомства со статьей А. С. Сонины они зародились, а после прочтения стенограммы заседаний оргкомитета совещания окрепли. Возникли вопросы: действительно ли физику ожидала судьба генетики? кто мог вынести ей смертный приговор и привести его в исполнение? существовали ли идеологизированные конкуренты функционирующих физических теорий, т. е. были ли аналоги «мичуринской биологии» в физике? чего следовало ожидать от совещания, если бы оно было проведено?

Но прежде перечислю несколько отличительных черт генетики (я рассматриваю ее как пример удавшейся «васхнизации» науки), которые, с одной стороны, во многом определили саму возможность ее идеологического «убиения», а с другой — практически полностью отсутствовали у естественных наук, достигших высокого уровня математизированно-теоретического развития, таких, например, как физика и химия:

в биологии были области, допускаящие появление «народных академиков», которые в идеологизированных условиях нашей страны могли перейти от селекции растений и создания гибридов к формированию общих теорий (не научных, а в лучшем случае натурфилософских), выдаваемых за последнее слово «пролетарской» (справедливее назвать ее «крестьянской») науки;

генетику удалось тесно связать с расистскими концепциями фашистов, именно в этом русле шла травля крупнейшего советского генетика Н. К. Кольцова за его евгенические разработки;

уже в довоенные годы лысенковцам удалось захватить в свои руки большинство командных постов в советской генетике (сам Т. Д. Лысенко в 1938 г. стал президентом ВАСХНИЛ, а в 1940 г. возглавил Институт генетики, сменив арестованного Н. И. Вавилова) и повести травлю ее ведущих специалистов.

¹ Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. Философия и физика в СССР. М., 1989. С. 56.

² Сонин А. С. Как бомба спасла физиков // Моск. новости. 1990. 25 марта; Он же. Совещание, которое не состоялось. // Природа. 1990. № 3, 4, 5. Эта стенограмма хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в фонде Минвуза (Ф. 9396. Оп. 1. Ед. хр. 245—269). В дальнейшем я тоже буду использовать ее материалы.

С учетом этих особенностей генетики я и постараюсь рассмотреть возможную судьбу советской физики и специфику готовившегося совещания 1949 г.

ЧЕМУ ЖЕ ПОСВЯЩАЛОСЬ ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ФИЗИКЕ?

В печати действительно трудно найти упоминание об этом совещании, но мне кажется, что не менее трудно найти среди советских историков физики и философов науки людей, которые бы не знали о нем. Как мне известно, не составляет он секрета и для наших зарубежных коллег — Л. Грэхэма, П. Джозефсона и других. Следует также учитывать, что многие доклады и выступления, которые разбирались на заседаниях оргкомитета этого совещания, были опубликованы в журналах «Вопросы философии» и «Вестник высшей школы», а также в печально известной своей реакционностью «Зеленой книге» — коллективном труде «Философские вопросы современной физики», вышедшем в 1952 г. Более того, в 40—50-х годах публиковались многочисленные статьи, дискуссии и обсуждения, которые намного полнее отражают ситуацию в науке и философии того периода, чем упомянутые архивные материалы. Я ни в коей мере не хочу принизить важность архивных изысканий и свести их к воссозданию дрызг на физфаке МГУ (хотя именно эта сторона заседаний оргкомитета не получила отражения в публикациях). Во многих случаях лишь архивные материалы могут пролить свет на те или иные факты, но в разбираемом случае ситуация иная: изолированное изложение стенограммы способно привести к искажению исторической реальности. Лишь в рамках более широкого социокультурного контекста эти материалы могут прояснить процессы идеологизации науки.

Итак, перед нами стенограммы заседаний оргкомитета Всесоюзного совещания физиков, на которых обсуждались различные организационные вопросы, основные доклады, а также выступления и тезисы выступлений по этим докладам. Конечно, среди представленных докладов и выступлений не все удовлетворяют высоким нормам научности и объективности, что же касается их обсуждения, то многое вызывает чувство неприязни и даже гадливости. Но, думаю, отнюдь не все имело бы продолжение в работе самого совещания. Во всяком случае, его организаторы довели до сведения участников заседаний оргкомитета: не пытаться вынести все эти дрызги на само совещание

(А. В. Топчиев, Н. С. Шевцов); не пытаться проводить аналогии с ситуацией в советской биологии (К. Ф. Жигач); не пытаться огульно отвергать достижения мировой (западной, буржуазной) физики, хотя и подвергать решительной критике идеалистические выводы и интерпретации (С. В. Кафтанов).

Отмечу, что если бы мы попытались предсказать результаты сессии ВАСХНИЛ по предварительным заседаниям ее оргкомитета (даже учитывая особенности генетики), трудно было бы предвидеть возможность «убиения» советской генетики. И лишь информация, которую обнародовал Лысенко на самой сессии — его доклад одобрен самим Сталиным! — вызвала небывалый прилив конформистского энтузиазма ее участников. Мне кажется, этот «номер» не прошел бы в физике в 1949 г.: ведь именно тогда в нашей стране была взорвана первая атомная бомба (какая еще наука могла привести столь грандиозное доказательство своей практической), а ее создателям были обеспечены прекрасные условия для жизни и творчества. Более того, попытки «лысенковизации» не удалось и в химии, хотя происходили в условиях еще большей идеологизации — я имею в виду Всесоюзное совещание «Состояние теории химического строения в органической химии» в июне 1951 г., о котором сужу не по стенограмме заседаний оргкомитета, а по стенографическому отчету самой конференции. «Буржуазная» теория резонанса и ее методологические выводы (Л. Полинг, Дж. Уэланд) критиковались, но применение квантовой механики в химии признано продуктивным и необходимым; несколько адептов теории резонанса калялись, но претендент на пост «Лысенко в химии» (В. Г. Челинцев) был посрамлен и остался в одиночестве.

На мой взгляд, готовящееся совещание по физике имело не столько идеологический, сколько методический характер. Из 10 запланированных основных докладов лишь два генерировали обсуждения идеологического характера, а восемь касались именно методических вопросов — уровень преподавания физики в вузах был явно неудовлетворительный. По этим вопросам с докладами должны были выступить А. Ф. Иоффе, К. Ф. Жигач, А. Б. Млодзеевский, А. А. Соколов, А. В. Топчиев, В. М. Чулановский и другие. Много времени было уделено вопросам экспериментальной подготовки студентов, совершенствованию физического практикума, улучшению лекционной демонстрации в курсе физики, месту истории физики, учебникам и курсам физики в технических вузах и т. п. В то время эти вопросы широко об-

суждались и в печати, например в журналах «Успехи физических наук», «Вестник высшей школы» и др.

Естественно, прошедшая сессия ВАСХНИЛ давала о себе знать, и некоторые участники призывали не заниматься второстепенными вопросами, а перейти к главному — борьбе за советский патриотизм (Н. С. Акулов), разбору политической линии советской физики (К. А. Путилов) и т. д.

Итак, планировалось Всесоюзное совещание физиков, а вырисовывается совещание по методике преподавания физики и философским (вернее, идеологическим, политическим и даже национальным) вопросам физики. Почему же нереализованной оказалась физическая проблематика (в докладах ведущих физиков она иногда прорывалась)? Видимо, сказалась секретность многих физических разработок, и в первую очередь атомного проекта, в котором были задействованы ведущие физики страны и который курировал лично Берия. Соответственно, на многих заседаниях оргкомитета постоянно ставили вопросы о необходимой проверке участников совещания, военизированной охране, неразглашении государственной тайны и т. п. Характерен призыв Топчиева на заседании 10 января 1949 г.: «Я хочу, чтобы все члены оргкомитета обратили внимание на один существенный факт. В беседах с выступающими они должны помнить о законе, который принят Советским правительством. Я имею в виду закон о сохранении государственной тайны. Не должно быть названо ни одной темы, которую не нужно называть. Иногда любят щегольнуть номерами институтов. Надо перед каждым участником совещания поставить вопрос, чтобы они об этом помнили, чтобы вещей, о которых не нужно говорить, они не говорили ни при каких обстоятельствах». Хотя Берия не был другом и отцом советских физиков (таковым, если верить некоторым участникам, был сам Сталин), но он был шефом госбезопасности и куратором атомного проекта, потому не мог допустить проведения подобного малоуправляемого и неконтролируемого (все на эмоциях, аффектах, спекуляциях на национальных чувствах, приоритетных претензиях) обмена информацией в среде советских физиков, тем более из номерных институтов, да еще в присутствии философов, которые, хотя и обладали самой передовой методологией, но не имели допуска.

Именно это, на мой взгляд, и решило судьбу совещания. Конечно, более поэтична гипотеза о вмешательстве Курчатова, но все же реальнее вмешательство Берии. Совещание было отменено, но не из-за того, что вело

к «убиению» советской физики, а по соображениям безопасности.

И все же, если бы совещание удалось провести, неужели кучка демагогов, интриганов, амбициозных посредственностей смогла бы пересилить цвет советской физики? И все это произошло бы в период, когда статус физики был высок, как никогда? Для ответа на эти вопросы необходимо возможно полнее представить позиции физиков и философов, участвовавших в заседаниях оргкомитета. Это позволит ответить на главный вопрос: собирались ли на совещании «убивать» советскую физику, и если да, то кто мог вынести приговор? Сразу подчеркну, что позицию того или иного участника заседаний не всегда отражают фразы, вырванные из текста, иногда и весьма одиозные. По такому критерию почти всех участников можно зачислить в ретрограды — мало кто удержался от пинка в адрес «фашистского физика-махиста Иордана» или набора дежурных идеологических сентенций. Мне придется перейти к выступлениям и докладам главных действующих лиц, коснуться не только их деятельности вне заседаний оргкомитета, но и кратко проследить этапы того пути, который привел советскую физику и философию к подготовке совещания 1949 г.³

ПУТИ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Попытки идеологизации науки имеют давнюю историю в нашей стране и начались даже не с Октябрьской революции. Они были характерны уже для славянофилов, народников и дореволюционных марксистов, которые пытались противопоставить «буржуазной» западной науке некую синтетическую русскую конструкцию, в которой западное рациональное объективное научное знание выступало в единстве с ценностями каппадокийскими, православными, народными и, наконец, пролетарскими. По этому поводу Н. А. Бердяев писал: «Нужно, наконец, признать, что «буржуазная» наука и есть именно настоящая, объективная наука, «субъективная» же наука наших народников и «классовая» наука наших марксистов имеют больше общего с особой формой веры, чем с наукой»⁴. На русской почве претерпел идеологизацию и сам марксизм, который Марксом и Энгельсом создавался в противовес

³ Более подробно об этом пути см.: А х у н д о в М. Д., Б а ж е н о в Л. Б. Философия и физика в СССР.

⁴ Б е р д я е в Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1909. С. 12.

идеологии и как научное учение. После Октябрьской революции такой идеологизированный марксизм стал орудием идеологизации науки⁵.

В противовес «буржуазной» в 20-е годы пытались развить особую, «пролетарскую» науку. Считалось, что современная западная наука обслуживает потребности загнивающей буржуазии и потому призвана лишь исказить истину. Настоящей наукой она была лишь в тот период, когда сама буржуазия была революционной, т. е. в XVII—XVIII вв. А так как тогда определяющей наукой была механика, именно в ней стали усматривать корни «пролетарской» науки (с акцентом на практику и производство, через которое налаживалась столь необходимая связь с пролетариатом). Эти идеи формировались двумя конкурирующими группами достаточно образованных (как в философском, так и в естественнонаучном плане) советских марксистов — «механистами» и «диалектиками», остро полемизировавшими друг с другом. В определенный момент Сталин натравил на них выпускников Института красной профессуры («молодых икапистов»); в результате «механисты» были объявлены бухаринцами, а «диалектики» — троцкистами, за что и были репрессированы как представители левой и правой оппозиции.

Но наиболее изворотливые из них (А. А. Максимов, А. К. Тимирязев и др.) примкнули к «молодым икапистам» (о которых можно судить по такой фигуре, как М. Б. Митин) и даже были на первых ролях в идеологических играх 30-х годов. В это время стали понимать, что надеждам на скорую мировую пролетарскую революцию не суждено сбыться. Соответственно, «буржуазной» науке стала противостоять уже не наша «пролетарская», а наша советская, или социалистическая, наука. Тогда и сложилась группа физиков-ретроградов во главе с В. Ф. Миткевичем, которые не могли выйти за концептуальные рамки классической физики (механики и электродинамики) и не принимали (не понимали!) теории относительности Эйнштейна и квантовой механики, считая их идеалистическими плодами «буржуазной», чересчур теоретизированной и математизированной науки. Именно к ним примкнули марксистские идеологизаторы, которые повели настоящую кампанию травли ведущих советских физиков — С. И. Вавилова, М. П. Бронштейна, А. Ф. Иоффе, И. Е. Тамма, Я. И. Френкеля, В. А. Фока, Я. Н. Шпильрейна и дру-

гих — обвиняя их в ревизии коренных положений Ленина, защите махизма, низкопоклонстве перед Западом и ... в недооценке роли Сталина.

В свою очередь ведущие советские физики не уклонились от борьбы, раскрыв во многих великолепных работах вопиющую безграмотность идеологизаторов, причем не только в физической, но и в философской области⁶. Подобная критика в рамках нормальной науки и в нормальном обществе означала бы полное фиаско идеологизаторов. Однако в нашей стране этого не произошло. Вначале философские баталии отошли на второй план, заслоненные неизмеримо более значимыми проблемами войны. Война девальвировала многие идеологические ценности предшествующих десятилетий — акцент сместился с пролетарских и социалистических на ценности отечественные, действительно сплотившие народ СССР (не забудем, что это был народ раскулаченный, репрессированный, с уничтоженной верой и т. д.), помогшие победить в Отечественной войне. Причем для всего мира это была победа России — это «русский медведь» отдрал «прусского орла», это русский Иван разбил немецких фрицев. Всю войну велась целенаправленная пропаганда русского патриотизма, шло возвеличивание русских полководцев, праздновались юбилеи славных побед русской армии над татарами, шведами, турками, французами и т. д.

Патриотическая кампания, оправданная в военное время, получила развитие (подчас уродливое) и после окончания войны, когда Россия встала во главе соцлагеря и стремилась оформить соответствующий образ лидера — не «слабое звено» (именно так трактовалась она после Октябрьской революции), а великая страна с древней культурой, выдающимися русскими учеными, внесшими огромный вклад в развитие мировой науки. В 1948 г. начинают издаваться очерки в двух томах о выдающихся деятелях естествознания и техники — «Люди русской науки», с предисловием и вступительной статьей Вавилова. А отсутствие ссылок на отечественных корифеев легко объяснить происками внешних и внутренних врагов, непатриотов, низкопоклонствующих перед Западом, безродных космополитов.

Все это, естественно, привело к росту русского национализма в науке (я не касаюсь иных сфер), увлекшего определенное число консерваторов и посредственностей в физи-

⁵ А х у н д о в М. Д., Б а ж е н о в Л. Б. У истоков идеологизированной науки. // Природа. 1989. № 2. С. 90—99.

⁶ См., например: И о ф ф е А. Ф. О положении на философском фронте советской физики // Под знаменем марксизма. 1937. № 11—12.

ке, у которых были большие претензии, но на которых никто из ведущих физиков либо не ссылался, либо резко критиковал. Под знаменами борьбы за честь и приоритеты русских ученых прошлого они повели ожесточенную борьбу за свое собственное место в современной физике. Ситуация оказалась благоприятной для реанимации идеологизаторов с фронтов философской борьбы 20—30-х годов — вновь появляются Максимов и К^о. Наметился зловещий тандем комплексующих физиков и философов-зомби; они-то и рвались в бой, добиваясь проведения Всесоюзного совещания физиков.

Кто же им противостоял? В первую очередь ведущие советские физики, уже имевшие плодотворный опыт решительной борьбы с идеологизаторами науки в довоенные годы, — Вавилов, Иоффе, Тамм, Фок и другие; их поддерживали более молодые коллеги, особенно из АН СССР.

Сюда же следует приплюсовать те силы, которые сложились в первые послевоенные годы, когда идеологизация науки была отодвинута на второй план и еще были сильны убеждения, что после победоносного окончания войны многое должно измениться в нашей стране. Появляются действительно интересные и содержательные работы, посвященные философским проблемам физики, на авансцену выступает новое поколение советских философов естествознания — Б. М. Кедров, И. В. Кузнецов, М. Э. Омеляновский и другие⁷. Работали они в тесной взаимосвязи с ведущими советскими физиками. Так, когда Омеляновский в 1944 г. защитил докторскую диссертацию, одним из его официальных оппонентов был Вавилов. В 1946 г. в Институте философии АН СССР был создан сектор философских вопросов естествознания, который вначале возглавил Вавилов, а затем в разные годы — Кедров, Кузнецов и Омеляновский. В 1947 г. возобновляется издание философского журнала; взамен закрытого во время войны «Под знаменем марксизма» начинает выходить журнал «Вопросы философии», главным редактором которого назначен Кедров, а Омеляновский курирует в редколлегии философские вопросы естествознания. Уже в первых номерах публикуются интересные и принципиально важные статьи И. И. Шмальгаузена и М. А. Маркова по философским вопросам естествознания. Для нас особенно интересна

сейчас статья Маркова «О природе физического знания», опубликованная с предисловием Вавилова, после которой развернулась дискуссия с участием в числе сторонников Д. И. Блохинцева, М. Г. Веселова, М. В. Волькенштейна, Д. С. Данина.

Однако дискуссия была непродолжительной, началась кампания борьбы против низкопоклонства и преклонения перед иностранщиной, «безродных космополитов». В «Литературной газете» появляется погромная статья Максимова «Об одном философском кентавре» с идеологической критикой статьи Маркова. «Вопросы философии» в № 1 за 1948 г. в редакционной статье «К дискуссии по статье М. А. Маркова» дали решительный отпор нападкам Максимова, а его публикация была охарактеризована как «злопыхательская, физически неграмотная и философски путанная». Однако уже в № 3 журнала дискуссия получает идеологическое завершение — главный редактор снят, состав редколлегии существенно обновлен, публикуется разностная статья Максимова. Резкой критике были подвергнуты и упомянутые мной монографии Кедрова, Кузнецова и Омеляновского. Идеологический нажим, административные воздействия и разнос в прессе, конечно, деформировали изначально прогрессивную позицию этих философов, о чем можно судить, в частности, по их публикациям в «Зеленой книге» (но это относится к 1952 г.). Что же касается их выступлений на заседаниях оргкомитета в начале 1949 г., они были действительно достаточно своеобразными, но об этом чуть позже.

КТО И ЗА ЧТО БОРОЛСЯ НА ЗАСЕДАНИЯХ ОРГКОМИТЕТА?

Определенная часть физиков МГУ и некоторых вузов вела приоритетную кампанию под флагом борьбы за честь русской науки, чьи выдающиеся представители (от Ломоносова до Лебедева) внесли великий вклад в развитие мировой науки, но замалчиваются непатриотами, не признающими к тому же и выдающихся заслуг физиков МГУ (Акулова, Власова, Иваненко, Соколова и др.).

Думаю, этот аспект имеет весьма отдаленное отношение к гипотетической «васхнизации» советской физики. С тех пор прошло более 40 лет, и сегодня мы видим, что в развитие советской физики внесли свой вклад (правда, с различным удельным весом) представители обеих конфликтующих групп. Хорошо или плохо, но они представляют одну науку в определенное время (до-

⁷ Кедров Б. М. Энгельс и естествознание. М., 1947; Омеляновский М. Э. Ленин и физика XX века. М., 1947; Кузнецов И. В. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М., 1948.

статочно героическое, трагическое и мерзкое).

Так кто же пытался «лысенковизовать» советскую физику? И тут появляются «козлы отпущения» — философы! Сейчас с марксизмом у нас в стране связывают разрушение таких святынь, как отечество, монархия, православие, поэтому ни у кого не вызовет даже тени сомнения, если списать на него еще и уничтожение нескольких наук, а тем более всего лишь неудавшуюся попытку «убиения» физики. Действительно, если не философы-марксисты, то кто?

Положение усугубилось еще и тем, что критиковать физиков из АН СССР по вопросам физики было крайне трудно, поэтому дискуссия сместилась в философскую, вернее, идеологическую область. Здесь и стал проглядывать призрак сессии ВАСХНИЛ, которую, безусловно, жаждали повторить в физике Путилов, Кессених и Ноздрев (другое дело, удалось ли бы им это). Соответственно, за физический идеализм в копенгагенском духе стали критиковать Френкеля и Маркова, а остальных ведущих физиков АН СССР обвиняли в низкопоклонстве перед западной наукой и безродном космополитизме. Если учесть, что в конце 40-х — начале 50-х годов у нас в стране антисемитизм начинает приобретать государственный характер (Сталин формировал у народа образ очередного врага), то можно предположить дополнительную остроту в противостоянии некоторых физиков МГУ и ведущих физиков АН СССР (В. Л. Гинзбург, А. Ф. Иоффе, Л. Д. Ландау, М. А. Леонтович, Е. М. Лифшиц, Я. И. Френкель и др.).

Конечно, подобной «патриотической» деятельностью занимались не только некоторые физики МГУ, они находили единомышленников среди коллег из других вузов, а также среди философов. Однако идеологическая критика в адрес тех или иных ведущих советских физиков звучала со стороны многих участников заседаний оргкомитета, в том числе и самих ведущих физиков, но для одних она носила дежурный характер и служила прологом к обсуждению совсем иных проблем, для других была одним из приемов в конкурентной борьбе и лишь в немногих случаях действительно приобретала характер политического доноса. Кроме того, думаю, большая часть этой позорной словесности предназначалась лишь для заседаний оргкомитета и вообще могла не прочитаться на само совещание.

К этой идеологической критике, естественно, примкнул и играл в ней важную роль Максимов. Он выступал в худших традициях идеологизированной науки 20—30 годов, ког-

да шельмование ведущих физиков и обвинение их в идеалистических грехах сопровождалось критикой самих физических теорий (теории относительности и квантовой механики) и развитием собственных доморощенных физических представлений, якобы органично связанных с марксизмом-ленинизмом. Конечно, если бы судьба советской физики зависела от Максимова, последствия не трудно было бы предсказать. Но не он и его сторонники делали погоду на заседаниях оргкомитета. Собственно, Максимов поддержали лишь немногие из собравшихся — Власов, Ноздрев и Кессених. Большинство же физиков и философов единодушно подвергли выступления Максимова (основного, на мой взгляд, кандидата на роль «убийцы» советской физики) резкой критике и осмеянию. Показательно, что в «Зеленой книге», которая вышла по следам несостоявшегося совещания и одним из создателей которой был Максимов, он тем не менее не решился опубликовать свой доклад, а поместил весьма бледную работу «О значении абстракции в механике и физике», в которой лишь слегка досталось «на орехи» физическим идеалистам, талмудистам и др. Если именно с этим докладом Максимов собирался выступать на самом совещании (видимо, критика отрезвила, и он понял реальный расклад сил), то отпадает последний кандидат на роль «убийцы» советской физики.

Итак, ведущие советские физики осмеяли и разгромили позицию Максимова, а вот к упомянутым выше трем философам отношение было достаточно позитивное. Например, Блохинцев противопоставил «шаманские выкрики» Максимова свежим и интересным работам Кедрова, Омеляновского и Кузнецова. Их деятельность на заседаниях оргкомитета складывалась из нескольких компонентов. Во-первых, они представили тексты своих выступлений, в которых практически отсутствует конкретная критика концепций тех советских физиков, ради которых, собственно, идеологизаторы и стремились созвать совещание. Во-вторых, они проявили заметную активность во время дискуссий по докладам. Конечно, из их выступлений можно надергать очень колоритные фразы, наталкивающие даже на мысль, что они играли в одной команде с комплексующими физиками и философами-зомби (именно эту мысль и проводит А. С. Сонин). Но это не так! Ведь помимо открытой и острой критики (за что, например, Власов так невзлюбил философов «а ля Кедров» и приветствовал философов «а ля Максимов») философы вели демагогическую игру с идеологизаторами, что выливалось, например, в многочис-

ленные обвинения последних в искажении какого-то положения Сталина, в неучете известного призыва Жданова, в забвении урока Молотова и т. д. и т. п. Все это сильно отвлекало идеологизаторов: вместо наступательных идеологических атак они вынуждены были защищаться, обещать что-то учесть и т. д. Конечно, было бы наивным ожидать, что эти философы могли позволить себе обойти критическим вниманием главных действующих лиц, т. е. ведущих ученых, с чьими именами мы связываем творческое развитие методологии современной физики (этого не смог позволить себе даже президент АН СССР). Однако, мне кажется, их критика в адрес физиков не вносила чего-либо нового в дежурный набор обвинений, а вот идеологическая критика идеологизаторов была весома. Я не исключаю возможности того, что прогрессивные философы и ведущие физики действовали заодно, быть может, по обоюдной договоренности. Иначе трудно объяснить творческое сотрудничество некоторых из них в последующие времена, например, тесное и плодотворное взаимодействие Фока и Омеляновского в развитии философских вопросов квантовой механики, при работе над комментариями к статьям Н. Бора и т. д.

Наконец, следует учесть позицию главных действующих лиц готовящегося совещания — Вавилова, Гинзбурга, Иоффе, Леонтовича, Маркова, Тамма, Френкеля, Фока и других. Я уже отметил, что они вели себя достаточно принципиально и дали сокрушительный отпор идеологизаторам. Естественно, не обошлось без критики западного «физического» идеализма. Складывается впечатление, что для этого были выбраны П. Иордан, Дж. Джинс, Э. Милн, А. Эддингтон, одни и те же идеалистические или теологические высказывания которых с завидным постоянством критиковали почти все участники заседаний. Часто речь заходила о статье Маркова, в адрес которой были сделаны многочисленные критические замечания, но при этом ей давалась высокая оценка. Собственно, свое отношение к гносеологическим представлениям Маркова физики АН СССР и некоторые философы сформулировали ранее, например, на обсуждении его книги «О микромире», которое состоялось в январе 1948 г. в Физическом институте АН СССР. Так, отмечалось, что Марков был почти единственным советским физиком, попытавшимся с диалектико-материалистических позиций осветить многие сложные проблемы современной физики. Более того, в своем докладе С. И. Вавилов подчеркивал: «На статье М. А. Маркова полезно остановиться, поскольку она, по-видимому, во мно-

гом совпадает со взглядами, распространенными среди наших физиков». Жаль, что в 1949 г. не были опубликованы доклады, представленные на совещание (или стенограмма самого совещания, если бы оно состоялось), и советский читатель не смог познакомиться с очень интересным и принципиальным докладом президента АН СССР, а не с его «причесанным» вариантом (в котором, в частности, снят весь раздел о статье Маркова), опубликованном в «Зеленой книге» уже после смерти Вавилова.

Кроме того, на совещании ведущие физики АН СССР выступили с решительной отповедью притязаниям физиков МГУ, о чем подробно рассказано Сониным.

Итак, подведем итоги. Среди участников заседаний оргкомитета, действительно, была кучка патологических идеологизаторов, мечтавших о «васхнизации» советской физики. Они были подвергнуты резкой критике ведущими советскими физиками и прогрессивно настроенными философами. Более того, эти реакционные поползновения не получали какой-либо поддержки со стороны официальных организаторов совещания (президента АН СССР, министра высшего образования и др.) и имели мало шансов перейти с уровня обсуждения докладов на заседаниях оргкомитета на сцену самого совещания. Все остальные коллизии, которые развели участников заседаний по разным лагерям, подчас резко конфликтующим друг с другом, не несли какой-либо угрозы существованию советской физики и касались в основном борьбы за лидерство (монополизм в науке). Если не учитывать идеологической атмосферы тех лет, можно было бы предположить, что проведение совещания физиков сыграло бы даже положительную роль, ибо позволило бы ведущим физикам — не только участвовавшим в заседаниях оргкомитета, но и их единомышленникам, занятым в атомном проекте, например А. И. Алиханову, Я. Б. Зельдовичу, И. В. Курчатову, А. Д. Сахарову, Ю. Б. Харитону и другим (не будем забывать, что все они в 1955 г. выступили в защиту генетики), — и прогрессивным философам дать открытый бой идеологизаторам.

Так что можно даже предположить, что атомная бомба спасла советских идеологизаторов физики от разгрома на готовящемся Всесоюзном совещании физиков, которое прикрыли по соображениям секретности. Однако мне такая версия представля-

ется столь же поверхностной, как и предположение о готовившемся «убиении» советской физики. Вероятнее всего, имело бы место дежурное пустое совещание, которое не решило бы никаких проблем. Кстати, подобные опасения высказывались уже на самих заседаниях оргкомитета. Приведу реплику Кедрова: «Если результаты будут ноль, то тогда надо совещание отменить, потому что хуже всего пустая болтовня, которая окончится пустой резолюцией, за которой не последует реальное дело». С этим можно связать тривиальную гипотезу о причине отмены совещания — выяснилась его сугубо «болтологическая» сущность.

Я рассмотрел несколько возможных причин отмены совещания, во-первых, следуя призыву журнала «Природа» («Основное наше стремление — осветить «сцену» с возможно большего числа точек, дать не пло-

скую, а объемную картину явления»⁸); во-вторых, стремясь более четко прояснить позиции участников заседаний оргкомитета, некоторые из которых, на мой взгляд, незаслуженно оказались зачисленными в число монстров идеологизации; в-третьих, дабы отчетливо сформулировать три взаимосвязанных мифа (ибо речь уже может действительно идти о некоей мифологии), которые усиленно разрабатываются в современной непрофессиональной историографии советской науки: советские философы-марксисты являются «убийцами» генетики, кибернетики и других наук; все советские науки ожидала участь генетики — процесс «васхнилизации» был универсален; атомная бомба спасла советскую физику.

⁸ Редакционный комментарий к статье: Марков М. А. Глазами очевидца // Природа. 1990 № 5 С. 99.